

ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПОПОЛНЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СССР 1945—1950 гг.

Ангелина Сергеевна ВАЩУК, доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

Лариса Александровна КРУШАНОВА, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

В 1945—1950 гг. перед СССР и европейскими странами стояли задачи стабилизации финансовой системы, восстановления экономики, перевода предприятий на производство мирной продукции, строительства жилья и создания социально-бытовой инфраструктуры. В этой связи самыми востребованными в послевоенное время были демографические ресурсы, особенно трудовые. СССР, США, Великобритания, Франция, Канада и другие страны вырабатывали различные формы привлечения рабочей силы, а также внешнюю иммиграционную политику.

Обозначенная проблематика исследовалась отечественными и зарубежными обществоведами. В советской историографии это направление зарождалось и развивалось в рамках концепции изучения использования труда военнопленных, интернированных и мобилизованных. Среди известных исследователей — П. Полян, И.Ю. Молодова, Е.Ю. Бондаренко, С.И. Кузнецов, В.П. Галицкий, С.С. Букин¹. Им принадлежит приоритет в реконструкции исторической картины привлечения к труду военнопленных. К этой теме обращались также писатели и публицисты Н.Д. Толстой, А. Солженицын и др.², а также работники органов государственной безопасности³.

Анализ отечественной литературы показывает, что историки обращали свои взоры преимущественно на принудительно-мобилизационные способы формирования трудовых ресурсов (в том числе и на Дальнем Востоке). В литературе 1990-х годов стало утверждаться понятие «спецколонизация» дальневосточного региона. В разработку такого аспекта проблемы значительный вклад внесли Е.Н. Чернолуцкая, И.Д. Бацаев и др.⁴

В меньшей степени отечественными историками исследованы темы применения труда репатриантов и иностранной рабочей силы, которые дополняют общую картину мобилизационного способа формирования трудовых ресурсов в послевоенное десятилетие. В контексте современной исторической ситуации первый вопрос может быть проанализирован с позиции отношения партийного государства к репатриантам как к специфическому источнику пополнения рабочей силы в СССР. Второй вопрос, который проясняет ситуацию, относится

к области численного и профессионального состава иностранцев, привлеченных для работы в СССР, к выявлению основных регионов, где использовался их труд. По-прежнему остается актуальной задача анализа механизма включения иностранной рабочей силы в социально-экономические отношения, существовавшие в СССР. В общем контексте заявленной темы важно рассмотреть и вопрос об использовании в 1946—1950-х годах труда реэмигрантов, т.е. бывших советских граждан довоенного и военного времени.

Репатриацию советских граждан в послевоенные годы можно рассматривать как специфический источник пополнения трудовых ресурсов в некоторых регионах СССР, учитывая, что репатрианты по прибытии в страну вливались в общий поток мобилизованных, которые централизованно распределялись по территориальному и отраслевому принципам.

Возвращение советских граждан в СССР (бывших военнопленных и беженцев, находившихся на территории Германии и прилегавших к ней стран), началось еще до завершения войны. Этот процесс контролировался Государственным комитетом обороны (ГКО). 24 августа 1944 г. вышло постановление о создании проверочно-фильтрационных пунктов. Уже в начале сентября эти органы стали принимать первых репатриантов. В октябре—декабре 1944 г. в составе фронтов были сформированы сборные и сборно-пересылочные пункты и лагеря. Всего вдоль западной границы СССР действовало 15 проверочно-фильтрационных и 35 сборно-пересылочных пунктов. По предварительным подсчетам, на начало декабря 1944 г. из Германии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Польши подлежали репатриации (по неполным данным) около 4 млн. чел.

В соответствии с директивным письмом генерал-полковника Ф.И. Голикова, уполномоченного СНК СССР по Германии и странам, ею оккупированным, в октябре 1944 г. при военных советах фронтов начали формироваться оперативные группы по репатриации. В дальнейшем они были реорганизованы в отделы, а позже — в управления по репатриации при военных советах Центральной группы войск и Группы советских войск в Германии⁵. По мере продвижения советских войск по территории Германии освобождались лагеря, в которых содержались военнопленные советские граждане. Организацией их вывоза в СССР занимались отделы по репатриации при действовавших фронтах совместно с представителями органов НКВД и контрразведки «Смерш». В 1944—1946 гг. только военнопленных было учтено более 2 млн. чел., из них были репатриированы 1,8 млн. чел.⁶

Кроме советских проверочно-фильтрационных лагерей в Германии, насчитывалось более 240 английских и американских лагерей, где официально пребывали около 165 тыс. советских граждан. Эти лагеря отличались друг от друга национальным составом, который был представлен преимущественно бывшими жителями прибалтийских республик, западных областей Украины, Белоруссии⁷.

На 1 декабря 1945 г. из американской и английской зон оккупации были отправлены в СССР 2 102 253 чел. из 2 289 091 учтенных⁸. Всего к 1 марта 1946 г. было зарегистрировано 4 199 488 репатриированных в СССР советских граждан*, из них 57,8% было отправлено к месту постоянного проживания, 19,1% — в действующую армию, 14,5% — в рабочие батальоны НКО, 6,5% — передано в распоряжение НКВД, 2,1% — находилось на различных работах при советских воинских частях и учреждениях за границей⁹.

Репатриация такого большого числа граждан «обеспечила» принудительные формы миграции в регионах СССР и спецколонизацию Дальнего Восто-

* Как указывал Н.Д. Толстой, советская официальная статистика опубликовала, что в 1945 г. было освобождено и репатриировано 5 236 130 чел. См.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты... С. 469.

ка в послевоенные годы. Постановлением ГКО № 6973-с от 19 ноября 1944 г. 17 145 репатриированных семей ингерманландцев были направлены не в прежние места жительства — Ленинградскую область и в Карелию, а в Новгородскую, Калининскую, Псковскую, Ярославскую области для работы в сельском хозяйстве. Однако принудительное вселение и направление в колхозы вызвало протест репатриантов (распоряжение СНК № 13925-рс от 19 сентября 1945 г.), часть из них самовольно покидали колхозы¹⁰.

Постановлением ГКО № 9871-с от 18 августа 1945 г. репатриированные советские граждане направлялись в составе рабочих батальонов в народное хозяйство страны. В составе одного из таких батальонов находились 229 чел., они были распределены в торговый порт г. Владивостока и работали там, а также на шахтах г. Артема в 1945—1948 гг.¹¹ Репатрианты трудились и на шахтах г. Артема. Так, на шахте 6-6 бис в 1950 г. было занято 820 репатриантов, из них 22 чел. впоследствии перевели на должности мастеров и десятников, 30 чел. стали бригадирами¹². Отношение партийно-советских управленцев к репатриантам было очень сложным и неоднозначными. Часто при сокращении штатов на предприятиях в первую очередь увольняли именно их. Особенно это наблюдалось в Прибалтике¹³. Около 20% репатриантов редко удавалось найти работу¹⁴. Они попадали в так называемую трудовую ссылку по указу от 2 июня 1948 г. Это были в основном «оуновцы» и «власовцы», которые, например, составляли 6,5% от числа всех прибывших на Дальний Восток в соответствии с названным указом¹⁵. Использование труда спецпереселенцев в отечественной литературе освещено достаточно подробно, и авторы не останавливаются на данном вопросе.

По окончании второй мировой войны советское правительство сделало ряд шагов в сфере международной миграции. Они касались бывших граждан Российской империи. К числу таких акций относится Указ Президиума Верховного Совета СССР (14 июня 1946 г.) «О восстановлении в гражданстве СССР бывших подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство»¹⁶. В ноябре 1946 г. из Марселя в Одессу прибыло 222 семьи (365 чел.), в 1947 г. в СССР вернулось еще 3000 семей¹⁷.

Руководство СССР в акциях возвращения бывших российских подданных фактически решало двеединую задачу. Во-первых, оно таким образом демонстрировало мировому сообществу социальные и идеологические преимущества социализма, скрывая реалии обустройства реэмигрантов в СССР. Во-вторых, попутно решалась прагматическая задача: приезд в страну квалифицированных кадров и специалистов. Переплетение этих задач особенно ярко отразилось в восточном направлении реэмиграционной политики. После завершения второй мировой войны СССР объявил с ноября 1945 г. начало восстановления в советском гражданстве бывших российских эмигрантов, проживавших в Китае. В 1947 г. советское руководство заявило о готовности разрешить въезд в страну 3 тыс. иммигрантов. В 1946—1947 гг. подали прошение о предоставлении советского гражданства 150 тыс. чел.¹⁸

Приморский край стал промежуточной территорией в процессе принятия реэмигрантов. Профессиональная структура прибывших позволяет утверждать, что эта группа также представляла собой специфический источник трудовых ресурсов. Из 2067 чел., прибывших летом 1947 г., специалистами были почти 36% (медицинские работники, профессионалы в области искусства, квалифицированные рабочие). В числе прибывших находились коллективы известных оркестров: Райского и Лундстрема. Оркестр Райского получил направление в Кемеровскую область, а джаз-оркестр Лундстрема — в Татарскую АССР¹⁹.

Согласно исследованиям Е.Н. Чернолуцкой, из числа «шанхайцев», прибывших в Советский Союз на основании постановления Совета Министров

СССР № 2077-544 «с», «Только сибиряки и уральцы могли рассчитывать на возвращение в родные места, поскольку перечень рекомендованных для вселения районов включал в себя 7 сибирских и уральских областей и две автономные республики»²⁰.

Наиболее многочисленная группа репатриантов отправилась в Свердловскую область — 3337 чел. (1642 семей), куда они поступили для трудоустройства в следующие организации: облизполком, Уральский и Богословский алюминиевые заводы, Североуральский бокситовый рудник, Полевский креолитовый завод, Рудник им. III Интернационала, Дегтярское, Красноуральское, Туринское, Гумешское и Тышлинское рудоуправления, Среднеуральский и Кировоградский медеплавильные заводы, Свердловский промстрой, Уралтяжстрой, Тагилстрой, Трубстрой и Лесхозмашзавод²¹. Государство задействовало основную массу реэмигрантов в капитальном строительстве, тяжелой и добывающей промышленности.

В общей сложности в 1947—1959 гг. в СССР вернулись из КНР 200 тыс. реэмигрантов. Из них около 50 тыс. чел. (13 тыс. семей), прибывших в 1955—1958 гг., при оформлении документов и собеседовании с представителями консульства и советскими органами «дали согласие на трудоустройство в сельское хозяйство Казахстана»²². Материальное положение желавших выехать в СССР, а также сложившиеся в Китае социально-экономические и политические обстоятельства советское руководство умело использовало в целях разрешения дефицита трудовых ресурсов в период освоения целины.

Демографические потери в годы Великой Отечественной войны и традиции экстенсивного способа хозяйствования заставили партийно-государственное руководство тех лет пойти на привлечение в экономику иностранной рабочей силы, в определенной степени используя довоенный опыт. В послевоенное время сложились новые отношения между СССР и группой государств социалистической ориентации в Восточной Европе и Азии, прежде всего с КНР* и КНДР. В 1946 г. в Маньчжурии началась вербовка китайцев для работы на советском Дальнем Востоке. Эта акция находилась под контролем органов УНКГБ. Были определены два основных треста, куда могли привлекаться китайцы — «Амурзолото» и «Приморзолото». По сведениям Хабаровского руководителя УНКГБ С.А. Гоглидзе, 1 марта 1946 г. на предприятиях советского Дальнего Востока работали 11,5 тыс. чел., из них 1,5 тыс. чел. были отправлены на Сахалин²³.

Численность данной группы иностранцев была незначительной, но в условиях начала оттока населения из региона в места довоенного проживания, эта группа для ресурсодобывающих отраслей оказалась важной. Китайцев использовали на предприятиях Хинганолово, в Нимано-Ургальском приисковом управлении треста «Амурзолото»²⁴.

В 1946—1950-е годы дальневосточный регион и особенно Сахалин, южная часть которого вошла в число заново осваиваемых населением территорий СССР, испытывали крайний дефицит трудовых ресурсов. Политический центр отводил этим районам роль поставщика леса, нефти и рыбы, но выполнить возложенную на него историческую «миссию» Дальний Восток мог только за счет привлечения большого числа рабочих кадров.

Следует заметить, что в послевоенное время некоторые районы Дальнего Востока стали местом массового использования труда заключенных. На севе-

* Летом 1946 г. наступление чанкайшистских войск привело к расчленению Маньчжурии на 3 части. Центрально-Южная Маньчжурия оказалась в руках гоминьдановцев, Северная Маньчжурия с центром в Харбине, фронтовой границей которой являлась р. Сунгари в ее верхнем течении, и Ляодунский полуостров контролировались народно-демократической администрацией. См.: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974. С. 169—170).

ро-востоке региона «спецколонисты» в послевоенное десятилетие составляли до 90% трудовых ресурсов²⁵. Труд «спеконтингентов» применялся и на Сахалине. Так, в 1948—1950 гг. в Охинском лагере находились 16 744 заключенных. В 1952 г. 12 684 чел. обслуживали секретную стройку № 506²⁶.

Пенитенциарный труд применялся не только в северо-восточных, но и в южных районах Дальнего Востока. В 1949—1952 гг. в Приморье находилось 14 лагерных подразделений, спецконтингент которых работал на предприятиях горнорудной промышленности, в частности, на добыче олова и свинца, строил портовые сооружения, ремонтировал шоссейные дороги и т.д.²⁷

В первые послевоенные годы на Дальнем Востоке СССР применялся принудительный труд не только советских граждан, но и японского гражданского населения в период ожидания им отправки на родину. Распоряжением № 1 Гражданского управления Южного Сахалина контроль за выходом на работу японских подданных первоначально возлагался на губернатора Южного Сахалина Оцу Тосио. Ему предписывалось «чтобы каждый гражданин, работавший ранее на действовавшем предприятии, впредь честно выполнял порученную ему работу». «Предупредить, что все лица, уклоняющиеся от работы, будут привлекаться к суровой ответственности по законам военного времени», — подчеркивалось в распоряжении²⁸. В этом же документе оговаривался порядок привлечения японского гражданского населения к труду «в промышленности и на коммунальных предприятиях, в сельском хозяйстве»²⁹. Для японского населения, устанавливались тарифные ставки. Постановлением Военного совета Дальневосточного военного округа от 22 февраля 1946 г. на рыбную путину было привлечено 9000 чел. из числа местного японского неработающего населения «в порядке платной трудоповинности». Кроме того, на путину в апреле — мае того же года направлялись 4 тыс. учащихся старших классов японских и корейских школ³⁰.

На 1 августа 1946 г. в Южно-Сахалинской области проживало около 300 тыс. японского населения³¹, не считая военнопленных³². Многие японцы всячески уклонялись от работы, используя различные пути. Например, чтобы избежать работы на рыбной путине, некоторые из них даже пытались давать взятки врачам в сумме 2—3 тыс. руб. за освобождение от мобилизационных работ. Но, как пишет Е.И. Савельева, в основном трудоспособное японское население было привлечено к работе на советском производстве. Японцы использовались в качестве обслуживающего персонала для работы в административном управлении по гражданским делам. Японцы брались на персональный учет. Их заработная плата колебалась от 301 до 375 руб.³³ Японская интеллигенция на Южном Сахалине находилась в привилегированном положении: для работавших врачей, учителей, инженеров, священнослужителей, переводчиков устанавливались повышенные нормы выдачи риса и сахара³⁴. Высоко оценивался труд переводчиков, знавших японскую письменность, — от 600 до 800 руб. Среднемесячная заработная плата советских рабочих и служащих на Сахалине составляла 638 руб.³⁵ Японские женщины и дети получали зарплату на 50% меньше, чем мужчины, имевшие те же специальности, а корейские рабочие, завезенные японцами на Сахалин до 1945 г., имели зарплаток на 10% меньше, чем японские рабочие.

До введения советского законодательства³⁶ на Южном Сахалине рабочий день длился 11 часов. С установлением советского законодательства были введены четыре выходных дня в месяц вместо прежних двух и 8-часовой рабочий день.

Зарботная плата выдавалась с большой задержкой. Возникали также трудности в обеспечении населения острова продовольствием. Японцы и корейцы иногда проявляли активный протест против этого в форме невыхода на работу³⁷.

Дальний Восток относился к тем регионам, где использовался труд военнопленных, преимущественно бывшей Квантунской армии. Учитывая, что этот источник пополнения трудовых ресурсов в СССР в достаточной степени освещен как в зарубежной, так и отечественной литературе, можно было бы данный сюжет не затрагивать, но он существенно дополняет общую историческую картину.

23 августа 1945 г. ГКО издал секретный документ о привлечении к труду 500 тыс. военнопленных японской армии³⁸. Японскими военнопленными было отработано 400 млн. дней. Они были заняты во многих отраслях экономики: на общегражданских строительных работах — 43%, строительстве железных дорог — 30%, на добыче угля и разработке недр — 14%, в промышленном производстве — 11%³⁹. Лагерь для японских военнопленных были развернуты в Приморском и Хабаровском краях, Южно-Сахалинской области, Красноярском крае, в Бурят-Монголии, а также в Казахской и Узбекской ССР. Японские военнопленные работали на таких крупнейших предприятиях Дальнего Востока, как тресты «Приморскуголь», «Примзолото», «Хинганлес», «Хабаровскуголь», «Камчатлеспром», «Дальстрой» и др.

Военнопленные Квантунской армии, в отличие от японского гражданского населения, были более законопослушны, выполняли и перевыполняли (до 280%) положенные нормы выработки. Например, лагерь № 6 (Хабаровский край), где находились только бывшие японские военнослужащие, в 1954 г. был отмечен как лучший в строительстве⁴⁰. Имеются отзывы современников об исполнительности военнопленных японцев: «...Хозяйственные органы «дерутся» за каждого военнопленного японца, видя в нем реальную рабочую силу», — говорил начальник одного из лагерей⁴¹.

Советское правительство тех лет, привлекая к работе специфические рабочие силы, тем не менее в большей степени начало ориентироваться на добровольное переселение, используя метод «вербовки кадров». Особенно это было важно для хозяйственного освоения Дальнего Востока в первое послевоенное десятилетие. Однако добровольное переселение сопровождалось высокой долей обратной миграции.

Репатриация японского гражданского населения и военнопленных Квантунской армии с Дальнего Востока (в том числе и с Сахалина) в совокупности с обратной миграцией советских переселенцев обострила проблему обеспечения трудовыми ресурсами ряда отраслей, особенно тех, которые имели союзное значение, в частности, в рыбной промышленности. Советское руководство рассматривало «вербовку» рабочих из Северной Кореи как приемлемый вариант ликвидации дефицита рабочей силы. В 1946—1947 гг. между правительствами СССР и КНДР были заключены двусторонние соглашения о привлечении корейцев в рыбную промышленность. В 1947 г. для работы на предприятия этой отрасли были завезены 22 тыс. граждан Северной Кореи, так называемых «пагеномудя»⁴². На некоторое время они решили проблему дефицита неквалифицированной рабочей силы в рыбной отрасли. Однако другие отрасли регионов СССР по-прежнему испытывали нехватку рабочих рук. К тому же прекратил свое существование такой специфический источник пополнения рабочей силы, как военнопленные и мобилизованные. В связи с окончанием репатриации военнопленных в 1955—1956 гг. завершилась история принудительного использования труда интернированных.

Одновременно сократилась доля гуглаговского сектора рабочей силы. Власти начали искать другие пути решения проблемы дополнительного привлечения рабочих рук. Поиски способов увеличения трудовых ресурсов по времени совпали с переговорами КНР и СССР о направлении в Китай советских специалистов и об оказании помощи в организации производства. В ходе перегово-

ров Мао Цзэдун изложил свои соображения о переселении большого контингента китайских рабочих (до 10 млн. чел) в районы Сибири и Дальнего Востока⁴³. Советская делегация, учитывая возросшие потребности в рабочей силе со стороны СССР, но критически оценивая предложение руководства КНР и политический аспект китайской инициативы, согласилась пригласить китайских рабочих на предприятия СССР на основе договоров на определенный срок, в значительно меньших, чем предлагал Китай. 12 октября 1954 г. в Пекине была достигнута договоренность между правительствами СССР и КНР (между А.И. Микояном и Чжоу Эньлаем) о направлении из Китая рабочей силы в Советский Союз «для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения».

Согласно принятым условиям китайские рабочие для выезда в СССР должны были заключать индивидуальные договоры. Предусматривалось, что они будут использоваться «компактными группами» в районах, определяемых советскими хозяйственными организациями в зависимости от потребности в рабочей силе. С точки зрения советской стороны, таковыми были глубинные северные территории — районы лесоразработок и горнодобывающих рудников. Китайское же руководство в ходе конкретных переговоров добивалось «...направления китайских рабочих преимущественно в места, прилегающие к советско-китайской границе, не считаясь с хозяйственными интересами советских организаций»⁴⁴. В связи с расхождением позиций советского и китайского руководства указанное соглашение было реализовано лишь частично.

В 1955 г. в Сибирь (г. Усолье-Сибирское Иркутской области) из провинции Хэбэй прибыла первая группа китайцев численностью 302 чел., которые были направлены на предприятия «Востоктяжстрой» сроком на три года. В общей сложности в 1955—1957 гг. в СССР работали 2100 чел., в том числе в Бурят-Монгольской АССР — 297 чел., на предприятиях трестов (Иркутская область) «Орскметаллургстрой» — 400 чел., «Молотовстрой» — 300 чел. и «Севералтяжстрой» — 400 чел.⁴⁵ Рассматривался также вопрос о привлечении рабочих из Китая и на Сахалин. В мае — июне 1955 г. планировалось направить китайцев в трест «Сахалинрыбстрой»⁴⁶, но в жизнь эта акция так и не была претворена.

Китайская сторона нарушала условия соглашения и отправляла в СССР рабочих с тяжелыми заболеваниями*. Прибывшие из КНР рабочие, как правило, не имели специальности и квалификации. «Охлаждение» отношений между СССР и Китаем к концу 1950-х годов прервало кампанию привлечения китайских рабочих в СССР до конца 1980-х годов.

Во второй половине 1950-х годов иначе складывались политические отношения СССР с Северной Кореей, что не могло не отразиться на процессе регулирования трудовой миграции в СССР. Фактор дефицита трудовых ресурсов в лесной отрасли на Дальнем Востоке оказал влияние на привлечение северококорейских рабочих в эту отрасль. 30 июня 1957 г. между СССР и КНДР было заключено соглашение об использовании северококорейских рабочих на лесозаготовках в Хабаровском крае. 25 июля того же года в СССР из КНДР прибыло 3550 чел., основная часть которых (3454 чел.) размещалась в двух леспромпхозах — Комсомольском и Селихинском⁴⁷. Они распределялись на работы по следующим видам: лесозаготовка — 909 чел., строительство жилья (для собственных нужд) — 778 чел., подготовительные работы при заготовке леса — 457 чел., ремонт механизмов — 120 чел., погрузка вагонов — 102 чел., обслуживание дорог — 265 чел., иные работы — 524 чел. Еще 36 чел. были отправлены на курсы для приобретения специальности. Из привлеченных северококорейских работников в июле 1957 г. 90 чел. заняли должности технических рабочих и служащих.

* В СССР действовали приказы, запрещавшие переселять и привлекать на сезонные работы лиц, больных туберкулезом и трахомой (ГАРФ. Ф. А-327, оп. 1, д. 43, л. 91; 70, л. 81).

В феврале 1958 г. прибыли еще 250 рабочих, в мае — 1,7 тыс. чел., в августе — 1 тыс. чел. Всего за два года приехало 4897 северокорейских работников⁴⁸.

Одновременно с лесозаготовками северокорейские рабочие строили себе жилье и культурно-бытовые помещения (клубы, столовые). Согласно межправительственному документу, КНДР организовала в СССР лесозаготовительный трест в составе четырех леспромхозов: Комсомольского, Селихинского, Хормулинского, Шелиховского. В 1958 г. управляющим «Корейсклес» стал Хан Ди Сон. Для организации продовольственного снабжения было выделено 15 га под посадку овощей, а также разрешена для трудовых мигрантов рыбная ловля. Для иностранных мигрантов советские рабочие отремонтировали 2964 кв. м жилья, построили 976 кв. м нового. Всего для этой группы иностранцев было предоставлено 6860 кв. м жилой площади, т.е. на одного корейского рабочего приходилось 1,5—2 кв. м жилья. Привлечение рабочих из Северной Кореи было обоюдовыгодным. Хотя численный состав рассматриваемой группы был сравнительно незначительным, планы заготовки древесины в основном выполнялись, за исключением первого года работы. В 1958 г. корейцы заготовили 145,2 тыс. куб. м леса, из них 37,7% были отправлены в КНДР, а остальной объем использовался для нужд СССР. В 1959 г. объем заготовок достиг 466 тыс. куб. м⁴⁹. По условиям соглашений между СССР и КНДР, корейские рабочие проработали в Хабаровском крае до ноября 1964 г.

Существование системы принудительно-мобилизационных форм комплектования производственных коллективов в период 1945 — первой половины 1950-х годов соответствовало функционированию механизма распределительно-нормированных отношений в СССР. Применение этих форм стало возможно и вследствие сложившегося технологического уклада хозяйствования в большинстве регионов страны. Небольшое число крупномасштабных производств в СССР (в том числе и на Дальнем Востоке), жесткий контроль за деятельностью национализированных предприятий на территории Южного Сахалина давали возможность центральным плановым органам принимать хозяйственные решения и просчитывать распределение трудовых ресурсов. Это распространялось и на различные группы привлеченных рабочих, которые рассматривались в данной статье.

«Социальные нормы» (заработная плата, размеры и дифференциация положенного «пайка», жилья т.д.) реэмигрантов, военнопленных, мобилизованных иностранцев и «завербованных» из КНДР и Китая рабочих соответствовали аскетическим социальным нормам и низкому уровню жизни населения страны в целом в 1945—1950-е годы.

¹ Полян П. Жертвы двух диктатур. М., 1996; Молодова И.Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отеч. архивы. 2003. № 1. С. 49—52; Букин С.С. Немецкий этнос в Сибири (русский вариант) // <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/>.

² Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996.

³ Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отеч. архивы. 2001. № 6. С. 13—17.

⁴ Чернолуцкая Е.Н. Участие спецконтингентов в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсеньевские чтения: тез. докл. регион. науч. конф. по проблемам ист., археол. и краевед. Уссурийск, 1992. С. 137—138; Она же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6. С. 71—79; Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 110—111; Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002.

⁵ ГАРФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 3, л. 1.

⁶ Молодова И.Ю. Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве... С. 49—51; Христофоров В.С. Архивные документы... С. 15.

⁷ ГАРФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 91, л. 108.

⁸ Там же. Л. 486.

- ⁹ Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 76; Земсков В.Н. Вторая волна эмиграции (1945—1952). — <http://history.tuad.nsk.ru>.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. А-518, оп. 1, д. 26, л. 2, 98—99.
- ¹¹ Там же. Ф. 9526, оп. 6, д. 617, л. 16—17.
- ¹² ГАПК. Ф. 1463, оп. 7, д. 195, л. 83.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 617, л. 24.
- ¹⁴ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. С. 469.
- ¹⁵ Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х гг. (О роли «спецконтингентов»). Владивосток, 1993. С. 18—19.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. А-327, оп. 1, д. 15, л. 3.
- ¹⁷ Там же. Ф. А-327, оп. 1, д. 15, л. 4; ф. 9526, оп. 6, д. 377, л. 3—4.
- ¹⁸ Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 305.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 495, л. 43.
- ²⁰ Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2. С. 80.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАРФ. Ф. А-327, оп. 1, д. 3, л. 1—3.
- ²³ ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 2019, л. 1—4.
- ²⁴ Там же. Л. 32.
- ²⁵ Чернолуцкая Е.Н. Участие «спецконтингентов» в хозяйственном освоении Дальнего Востока. С. 137—138.
- ²⁶ Пашков А.М., Дударец Г.И. Правда и домыслы о секретной стройке № 506 на о. Сахалин // Читая «Остров Сахалин...»: Докл. и сообщ. участников ист.-краевед. конф.; Конф., посвящ. 100-летию путешествия А.П. Чехова на о-ве Сахалин. 18—19 мая 1990 г. Ю.-Сахалинск, 1990. С. 96.
- ²⁷ ГАПК. Ф. 533, оп. 1, д. 1, л. 15; д. 8, л. 3; д. 17, л. 1—2.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 171, оп. 1, д. 3, л. 1.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 1895, л. 285.
- ³¹ В отечественной литературе, ссылаясь на источники, авторы приводят разные данные. По данным А.Т. Кузина, численность японского гражданского населения на 2 февраля 1946 г. составляла 274 556 чел., В.В. Щелова на 1 июля 1946 г. — 305,8 тыс. японских подданных; на 20 августа 1947 г. численность гражданского японского населения сократилась до 144 713 чел. См. ГАРФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 385, л. 88.
- ³² Савельева Е.И. От войны к миру (гражданское управление на Южном Сахалине. 1945—1947 гг.) // Сахалин, Курилы: на рубеже веков. Южно-Сахалинск, 2002. С. 27.
- ³³ ГАСО. Ф. 171, оп. 1, д. 2, л. 30.
- ³⁴ Там же. Л. 20—25.
- ³⁵ Там же. Д. 23, л. 32а, 57—58.
- ³⁶ Постановление № 263 Совета Народных комиссаров Союза ССР // ГАХК. П-35, оп. 1, д. 1894, л. 159.
- ³⁷ СЦДНИ. Ф. П-4, оп. 1, д. 438, л. 45; д. 353, л. 39—39.
- ³⁸ Цит. по: Ямада Кацуэси. Японские интернированные как иностранные рабочие в Сибири // Мост через «Амур»: Внешние миграции, иммигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. материалов междунар. исслед. семинара. М.; Иркутск, 2004. С. 186—190.
- ³⁹ Там же. С. 188.
- ⁴⁰ СЦДНИ. Ф. П-4, оп. 1, д. 280, л. 21; Ямада Кацуэси. Японские интернированные... С. 188.
- ⁴¹ СЦДНИ. Ф. П-4, оп. 1, д. 280, л. 21.
- ⁴² См.: Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 230.
- ⁴³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977. С. 216.
- ⁴⁴ Там же. С. 216—217.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9507, оп. 4, д. 683, л. 1—8, 35, 57.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 53, оп. 1, д. 181, л. 3.
- ⁴⁷ ГАХК. Ф. 1663, оп. 43, д. 53, л. 18.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 1663, оп. 43, д. 55, л. 18.
- ⁴⁹ Там же. Л. 19, 180—181.

SUMMARY: “Mobilization Forms of Reinforcing Manpower in the USSR” is the title of the article by Doctor of Historical Sciences A. Vaschuk and researcher L. Krushanova. The article considers the forms of increasing manpower in the Soviet Union in 1945—1950.